

**Магна
Вампирия**
299 год

Англия

Объединенные
провинции

Франция

Савойя

Испания

Португалия

Марокко

Османская империя

к берегам
американских
вице-королевств

Королевство Франция

Граница Магна Вампирии

Вице-королевства

Дания

Швеция

Россия

Пруссия

Польша

Германия

Киммерия

Швейцария

Австрия

Молдавия

Трансильвания

Венеция

Валахия

Пьемонт

Тоскана

Неаполь

Османская империя

Морея

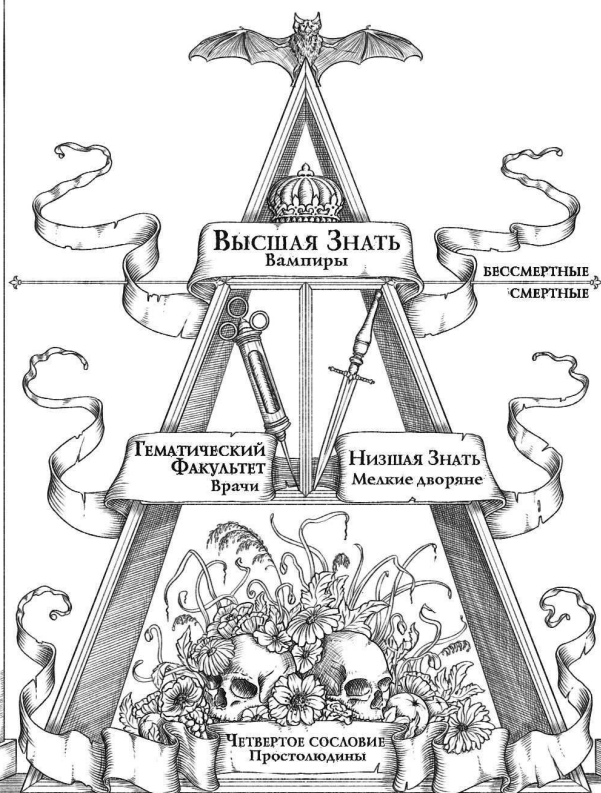
Государства союзников

Терра Абоминада (последняя известная граница)

БЕЕ
ГЕСИГ

КОДЕКС СМЕРТНЫХ *CODEX MORTALIS*

*Указ
Людовика Нетленного,
Короля Тьмы,
о регламенте управления смертными
простолюдинами четвертого сословия
по всему королевству Франция
и вице-королевствам Магны Вампирии.*

ПРЕАМБУЛА

Милостью Тьмы общество Магны Вампирии разделено на четыре сословия. Бессмертные: Вампиры высшей аристократии. Смертные: Мелкое дворянство нижней аристократии Доктора гематического Факультета и четвертое сословие — простолюдины. Приведенные ниже статьи закона касаются последней категории населения.

Статья 1. ПОВИНОВЕНИЕ. *OBOEDIENTIA*

С момента рождения и всю жизнь простолюдины находятся под защитой вампиров. Поэтому они обязаны им подчиняться полностью и безоговорочно.

Статья 2. ЗАКОН О НЕВЫЕЗДЕ. *SEQUESTRUM*

В течение дня, пока светит солнце, простолюдинам запрещено отдаляться от колокольни своего населенного пункта дальше одного лье¹.

Статья 3. КОМЕНДАНТСКИЙ ЧАС. *IGNITEGIUM*

В течение всей ночи сразу после того, как прозвучит набат, простолюдинам запрещено покидать свои дома.

Статья 4. ДЕСЯТИНА. *DECIMA*

Каждый месяц простолюдины обязаны отдавать десятую долю своей крови.

Статья 5. САНКЦИИ. *SUPPLICIUM*

Любое лицо, нарушившее статьи закона, будет казнено.

¹ Лье — старинная французская мера длины.
1 лье = 4,444 км.

I

Вторжение

НЕТ БОЛЕЕ УЯЗВИМОГО СУЩЕСТВА, чем спящий человек.

Во сне мы вновь становимся беззащитными новорожденными. Как эта девушка в огромной кровати, слишком широкой для нее.

Вокруг все неподвижно, кроме бутона, постепенно увеличивающегося на пеньюаре. Это кровавая роза с медленно распускающимися лепестками по шелку на уровне пронзенного сердца.

Чем сильнее краснеет цветок, тем блее становится лицо девушки.

Губы бледнеют в считанные секунды.

Цвет лба сливается с оттенком серебристых волос, разметавшихся по подушке.

В глубине удивленно застывших глаз вижу свое отражение, как в зеркале...

...и понимаю: эта молодая усопшая — я!

Я резко вынырнула из сновидений, прижимая руку к груди. К тому самому месту, куда смерть вонзила кинжал.

ДВОР ЧУДЕС

Кошмар!

Под судорожно сжатыми пальцами бешено билось сердце: я жива!

В унисон с его ударами за тяжелыми портьерами окна неистовствовала гроза.

Я выбралась из потных простыней и прошлась по темным покоям: мне как оруженосцу Короля Тьмы выделили одну из самых больших комнат в Версальском дворце.

На ощупь нашла и опустилась на стул возле туалетного столика, прокрутила колесико тускло дремавшей масляной лампы, разбудив ее. Из полутьмы свет выхватил бронзовые настенные часы, которые показывали пять утра. Стоял конец ноября, а значит, до восхода солнца оставалось еще более трех часов. Я не могла растрачивать впустую ни единой минуты сна — слишком редкой ценности в моей новой жизни оруженосца. Ровно в восемь — церемония большого отхода Короля ко сну. Я должна стоять перед его усыпальницей вместе с остальными пятью оруженосцами.

Я поспешно открыла банку с пилюлями из белой ивы¹, откуда взяла сразу две штуки, чтобы унять боль, разъедавшую мозг, — постоянный избыток черной желчи приводил к хроническим мигреням...

В ожидании, пока средство подействует и вернет меня в объятия Морфея, я рассматривала свое помятое лицо в зеркале, на золотой раме которого дворцовые мастера выгравировали инициалы Д и Г: Диана де Гастефриш. Имя, под которым я жила при Дворе уже месяц. Имя героини, помешавшей покушению на жизнь Короля. Он не ведал, что мое настоящее имя Жанна Фруаделак, что я не благородная дочь провинциально-

¹ Данное описание может быть смертельно опасно. Это плод вымысла. Повторение действий героев может быть чревато летальным исходом. (*Прим. ред.*)

ВТОРЖЕНИЕ

го барона, а простолюдинка, вся семья которой была зверски убита королевскими войсками. Что я приехала в Версаль не с целью служить ему, а чтобы подорвать империю изнутри.

Посреди глухой ночи масштабность моей миссии сокрушала. Я знала, что ложь висит на волоске, и не смела представить, каким мучениям меня предадут, если обнаружат подлог. С момента появления в Версале я жила в постоянной тревоге, мучившей по ночам мрачными сновидениями... вроде сегодняшнего, от которого я проснулась, словно от толчка. Размышляя об этом, я пристальнее взгляделась в свое отражение в поисках черт, которые могли бы меня выдать. Достаточно ли надменна осанка под седой массой волос, заплетенных в косу? Правильно ли поджаты тонкие губы? Достаточно ли презрительны большие глаза?

Я пыталась изобразить гордую баронессу, однако видела в зеркале потерянную крестьянку, сироту, абсолютно одинокую в этом огромном мире...

...только действительно ли одинокую?

Неясное движение в углу зеркала за спиной привлекло внимание.

Нахмурившись, я прощупала взглядом комнату. В глубине, в стороне от слабого ореола, отбрасываемого масляной лампой, царила крошечная тьма.

Но все же почудилось будто одна из бархатных портьер мягко колыхнулась. Точно не сквозняк. Вечером перед сном я закрыла окно.

Внезапная догадка пронзила мозг, словно вспышка молнии, моментально рассеяв головную боль: *кто-то проник в мою спальню!*

Я застыла на стуле, внутренности живота сплелись в тугой узел.

Ночной кошмар был зловещим предупреждением.

— Кто здесь? — проблеяла я высоким, дрожащим голосом, словно ягненок, ожидающий расправы.

ДВОР ЧУДЕС

Ответа не последовало, однако портьера прекратила колыхаться. Значит, за ней действительно кто-то прятался!

По телу пробежали мурашки от страха: тонкий шелковый пеньюар не защитит от наточенного клинка или острых клыков. Ткань окрасится в багряный цвет, совсем как в моем страшном сне. Шпага оруженосца далеко от меня — в ножнах в глубине шкафа, в другом конце этой огромной комнаты.

— Предупреждаю: если я закричу, здесь немедленно появятся швейцарские гвардейцы!

Слова прозвучали под аккомпанемент грозы, словно само небо расхохоталось над моими детскими угрозами. Мало того, что снаружи ревела буря, так еще и в вестибюле между моей спальней и дворцовым кулуаром стоял невыносимый шум. Сквозь яростные завывания стихии я едва слышала музыку ночного веселья, подходившего к концу на нижних этажах замка. В этот самый момент под моими ногами, прежде чем отправиться почивать в холодные гробы, благородные вампиры опустошали последние кубки теплой крови. Вместе с ними смертные придворные наслаждались изысканными винами, напиваясь до одури, чтобы после отоспаться в уюте теплых постелей.

Поэтому даже если я буду орать во всю мощь своих легких, меня никто не услышит.

Дрожащими пальцами на ощупь я перебрала предметы на туалетном столике в поисках хотя бы какого-нибудь оружия. К несчастью, кроме расчесок и щеток ничего стоящего не попало. Рука случайно ударила банку с пилюлями белой ивы. Она упала на паркет, разбившись вдребезги.

Словно по команде бархатные портьеры резко распахнулись, обнажив темный силуэт. Я вскочила на ноги и бросилась к выходу. Однако недостаточно быстро.

ВТОРЖЕНИЕ

В мгновение ока незванный гость встал между мной и дверью, преградив путь.

Быстрым взглядом я окинула его: промокшая под грозой рубашка, залатанные холщовые брюки. Лицо скрывал черный платок с отверстиями для глаз. Железной хваткой человек схватил меня и грубо подтащил к себе, занеся кинжал, на тонком лезвии которого плясали блики от лампы.

Губы скривились под краем импровизированной маски:

— Сдохни, грязная лизоблюдка мертвых!

Доля секунды, потраченная незнакомцем на то, чтобы произнести оскорбления, позволила мне перенести вес тела на правую ногу и ловко увернуться от кинжала. На мгновение потеряв равновесие, убийца выпустил меня. Сгруппировавшись, я перекатилась на середину комнаты.

Раскат грома, более оглушительный, чем все предыдущие, заставил завибрировать пол под моими ушиленными ладонями.

Я встала, еле дыша, понимая, что вырвала у смерти лишь короткую передышку: враг все еще стоял у двери, отрезая пути к спасению.

Он шагнул ко мне, прихрамывая, как я только что успела заметить. Хромой или нет, не думаю, что убийца ошибется дважды.

— Я... я не та, за кого вы меня принимаете, — запинаясь, произнесла я, лихорадочно придумывая, что делать.

Узнать, кто он.

Почему хочет убить меня.

И прежде всего выиграть время!

Губы незнакомца снова скривились под маской.

— Ты *именно* та, за кого я тебя принимаю! — прорычал он, приближаясь. — Придворная, которая жаждет славы и прислуживает вампирам, мечтая трансмути-

ДВОР ЧУДЕС

роваться в бессмертную. Поэтому ты спасла жизнь тирану!

В тоне слышались стальные нотки ненависти, такие же твердые и непоколебимые, как лезвие его кинжала. Однако в то же время я почувствовала легкую дрожь в голосе, подобную хрупкому стеклу, которое вот-вот разобьется.

Мысли с бешеной скоростью пронеслись в голове. Я не знала, что делать. Передо мной, очевидно, фрондер¹, обвиняющий меня в том, что я помешала убийству Короля... Только к каким мятежникам он относится?

К Фронде дворян, которая мечтает занять место Нетленного на троне? Как заговорщик Тристан де Ля Ронсьер, которого я убила в прошлом месяце?

Или он, как и я, служит народной Фронде, одержимой безумной целью освободить мир от гнета вампиров?

Простота его одежды разительнo отличалась от шелковых нарядов вельмож. Ссутуленные плечи не имели ничего общего с горделивым петушиным обликом версальских придворных. Рука, схватившая мою кисть, была мозолистой, натруженной рукой простолюдина.

«Лизоблюд мертвых» — такими презрительными словами простой народ шепотом называл благородных смертных, готовых на любую низость, лишь бы угодить вампирам.

— Постой! — воскликнула я, бросаясь с головой в омут. — Я помешала де Ля Ронсьеру не для того, чтобы спасти жизнь деспоту, как ты думаешь. А для того, чтобы спасти Францию от тирании, еще более жестокой!

¹ Фрондеры, участники Фронды. Фронда — общественное движение во Франции XVII в., направленное против абсолютизма.

ВТОРЖЕНИЕ

Незнакомец остановился в нескольких метрах от меня и прорычал:

— Что ты мне тут сказки рассказываешь, дворяночка?

— Я не мечтаю о трансмутации. Но Тристан де Ля Ронсьер хотел трансмутировать, чтобы получить корону. Хуже того: он планировал отменить *numerus clausus*¹, ограничивающую число вампиров в королевстве. Если бы ему это удалось, то все смертные дворяне превратились бы в кровопийц, истребляя людей, как никогда прежде!

Кинжал в руке убийцы задрожал, он засомневался, балансируя на тонкой нити, как канатоходец, в любой момент рискующий сорваться вниз от ослепляющей его ярости.

— Поверь мне. — Я заставила себя говорить спокойнее, понимая, что малейшее повышение тона может разозлить убийцу. — Я говорю правду.

Мужчина громко фыркнул, подавляя всхлип.

— Правду? — тяжело повторил он. — Может быть... а может и нет. Единственное, что знаю наверняка: это ты убила Туанетту, подлая!

Туанетту? Перед глазами встал образ юной служанки из школы «Гранд Экюри». Открытое лицо, усыпанное веснушками. Застенчивая улыбка, когда наши взгляды встречались. Сгибы локтей, отмеченные шрамами кровавой десятины ежемесячно взимаемой гематическим Факультетом со всех простолюдинов королевства. Я увидела себя, вчерашнюю пансионерку, протыкающую вены девушки. Мадам Тереза, управляющая женским крылом школы, приказала мне пустить кровь бедняжке в разгар светского ужина, чтобы наполнить кубок маркизы Вовалонской, одной из самых жестоких вампирш Двора.

¹ Numerus clausus (*лат.*) — процентная норма, ограничение численности.

ДВОР ЧУДЕС

— Туанетта умерла? — Я не верила своим ушам. — Но месяц назад, когда я покинула «Гранд Эжюри», она была жива!

— В раны, которые ты ей нанесла, попала инфекция. Игла, которую ты использовала, была грязной или того хуже!

Я вспомнила, как мадам Тереза безжалостно отчитывала служанку за ничтожный фунт украденной ею муки. Неужели садистка-управляющая дала мне отравленную иглу, чтобы убить несчастную?

— Я не знала... — в ужасе пролепетала я. — Клянусь... Однако убийца не слушал.

— Теперь твоя очередь ощутить прокол кинжала! — прокричал он.

Его клинок взмыл так быстро, что я не успела увернуться. Острая боль пронзила правую скулу. Хромой безумец занес руку для второго удара.

Неожиданно в памяти всплыли слова Туанетты, когда она пыталась объяснить причину своего мелкого воровства жестокой мадам:

«Мои родители старые и больные. Брат — плотник, но больше работать не может. Он сломал ногу в прошлом месяце, когда упал со строительных лесов¹, ремонтируя стены замка».

Догадка поразила меня в самое сердце:

— Так ты — брат Туанетты? Плотник? О, я знаю, что значит потерять любимую сестру! — Кинжал застыл в воздухе. — Как будто ампутировали частичку тела! Как будто отрезали половину души! Только я потеряла дорогого брата. Бастьян был для меня всем... — К горлу подступил ком. — Королевские драгуны расправились с ним и родителями в моей родной деревушке в Оверни.

¹ Строительные леса — оборудование для размещения рабочих и материалов при выполнении строительных, монтажных и других работ.

ВТОРЖЕНИЕ

Брат Туанетты, а я убеждена, что это был именно он, стоял так близко, что сквозь грубо вырезанные дыры в платке я видела его блестящие глаза. В них читалось замешательство. Гнев. И главным образом горе.

— Драгуны Короля убили твою семью? — удивленно пробормотал он. — Твою? Оруженосца благородного происхождения?

— Я не та, за кого ты меня принимаешь. Благородство моего происхождения — всего лишь ловкий обман. Иллюзия. На самом деле я — дочь аптекаря и даже хуже: дочь фрондеров.

Признаваясь в обмане, я знала, что играю со смертью. И все же слова сами вылетели из уст. Потому что это последний шанс заставить страдальца поверить мне. И потому что я узнала в нем себя. Ту, какой была в первые дни после убийства родных. Этот юноша не принадлежал ни к одному из тайных обществ. Он не являлся эмиссаром какой-либо Фронды, народной или дворян. Он просто пушечное ядро, горящее от отчаяния, которое несло к ближайшей цели сквозь хаос мира.

— Я... я не знаю, можно ли тебе верить, — неуверенно произнес он.

Беспокойные глаза остановились на моих оголенных руках, в том месте, где еще месяц назад я носила шрамы от десятины, как и все простолюдины. Однако позорные отметины бесследно исчезли с тех пор, когда я, как и все оруженосцы, выпила «Глоток Короля». Королевская кровь обладала магией ускорения регенерации тканей плоти.

— Кровь Нетленного затянула раны! — воскликнула я, предвосхищая вопрос юноши. — Пришлось сделать глоток, чтобы стать оруженосцем. Но в душе я осталась простолюдинкой!

Я поспешно вынула из кармана пеньюара карманные часы мамы, единственное, что у меня осталось в

ДВОР ЧУДЕС

память о семье. На обратной стороне бронзовой крышки было выгравировано несколько слов.

— *Свобода... или... смерть...* — с трудом расшифровывал полуграмотный плотник.

— Это девиз народной Фронды. И доказательство того, что я на твоей стороне.

Брат Туанетты наконец опустил кинжал. Его взгляд упал на собственные грубые башмаки и их мокрые следы на свеженатертом паркете, словно юноша задумался, что он здесь делал.

— Всегда есть возможность наполнить свое горе смыслом, — мягко сказала я. — Ты мог бы чтить память сестры так, как я чту память Бастьяна и родных: разрушая Магну Вампирию в самом ее сердце.

Он посмотрел на меня широко открытыми глазами, дрожа от недоверия, как будто только что услышал богоухльство.

— Меня зовут Жанна Фруаделак. — Я протянула юноше руку.

— Полин Требуше, — выдохнул он.

Я улыбнулась, несмотря на печаль в душе.

— Народная Фронда могла бы рассчитывать на такого человека, как ты, Полин. Присоединяйся к нам в борьбе за спасение четвертого сословия.

Глаза юноши расширились еще больше. В них отразилось то же удивление, что я испытала сама, узнав о существовании революционной организации, охватившей несколько континентов.

— О чем ты говоришь? Разве не знаешь, что для четвертого сословия нет спасения? Вампиры ни за что не сдадут своих позиций. Напротив, их сила со временем будет только расти. С каждым годом Земля леденеет все больше. Ночные мерзости расплодились как никогда раньше. Нет света в конце тоннеля. Есть только Тьма, черная и холодная.

ВТОРЖЕНИЕ

Юноша бросил разочарованный взгляд на мой роскошный шелковый пеньюар.

— Возможно, ты забыла об этом, когда переехала в замок, но именно мы, простой народ, всегда и за все расплачиваемся своей жизнью. Мы умираем от голода из-за неурожая. Мы отдаем свою кровь бессмертным. Мы становимся добычей, словно животные, во время ночной охоты.

Его мрачные слова удручали. Я знала, что Полин прав: в последние годы злое господство Тьмы в мире крепло день ото дня. Жажда вампиров росла с каждым месяцем, а ночи порождали новую нечисть.

— В предместьях Версаля упыри чрезвычайно прожорливы, — с горечью продолжал плотник. — Ходят слухи, что в Париже дела еще хуже. В конечном итоге вампиры высосут нас до последней капли крови, а монстры-каннибалы сожрут нашу плоть!

Никогда не сталкиваясь с нечистью в своей глухой деревушке на Крысином Холме, я тем не менее знала, что эти некрофаги в изобилии водились на кладбищах больших городов... и иногда нападали на бедных горемык, имевших несчастье остаться на улице после объявления комендантского часа.

Я тряхнула головой, прогоняя ужасные видения. Дрожащие тени и завывания бури за окном наполнили спальню, словно нечисть пыталась материализоваться в пространстве.

— Когда-то я была в таком же отчаянии, что и ты, Полин, однако Фронда вдохнула в меня силы! — с жаром убеждала я юношу. — Нельзя терять надежды. Огромная сеть организации тайно готовит революцию против Магны Вампирии. Не только здесь, во Франции, но и в Америке. Мы хотим освободить мир от кровопийц. Мы хотим положить конец эпохе Тьмы. Мы хотим навсегда истребить вампиров, упырей и прочую нечисть!

ДВОР ЧУДЕС

Сквозь портьеры молния озарила комнату слабым светом, словно робкий луч надежды на новую жизнь. Его блеск отразился в глазах Полина — в глазах сбившегося с истинного пути человека, который искренне хотел поверить мне.

— Если, по твоим словам, эта организация действительно существует, то какая ей польза от такого калеки, как я?

Он опустил взгляд на хромую ногу.

— Тебе же удалось пробраться в мою комнату, несмотря на хромоту, — напомнила я юноше. — Наше великое дело только выиграет, если его членом станет агент, способный как тень проходить в самые недоступные уголки Магны Вампирии.

Под краем платка я увидела бледную улыбку на губах Полин.

— Два дня назад я вернулся на работу с единственной целью: отомстить за сестру, даже если это будет стоить мне жизни, — признался он. — Под прикрытием бури мне удалось проскользнуть мимо гвардейцев, охранявших дортуар, куда приводят рабочих на время комендантского часа. Как опытный плотник, проработавший в замке несколько лет, я знаю, по каким крышам можно пройти незамеченным и какие служебные коридоры использовать, чтобы добраться, например, сюда.

Он кивнул на штору за которой прятался: за малиновым бархатом скрывалась дверь, которую я раньше не замечала.

— Уходи тем же путем, что и пришел, пока стражники не хватились тебя. Поспеш! Через неделю жду тебя здесь в это же время. Тем временем я поговорю с координатором народной Фронды. Не могу назвать его имя, по крайней мере сейчас. Но обещаю: он найдет тебе применение на благо общего дела.

Полин глубоко вздохнул. Он казался выше и прямее, чем когда ворвался сюда. Таков эффект надежды, какой

ВТОРЖЕНИЕ

бы хрупкой она ни была. Надежды, помогающей подняться во весь рост, дающей силы сломленным мужчинам и женщинам. В эту комнату вошел отчаявшийся человек, а выйдет из нее боец!

Юноша взволнованно развязал платок-маску:

— Ты открыла мне свое сердце, Жанна. Я открою тебе свое лицо.

В свете масляной лампы я увидела совсем юные, веснушчатые черты: лицо Туанетты. Бледная улыбка напомнила улыбку моего дорогого Бастьяна, навсегда запечатленную в памяти. Улыбку паренька, который наконец-то осмелился мечтать о другой жизни.

— Ничто не сможет тебе заменить сестру, Полин, — сказала я, тронутая до слез. — Как ничто не сможет мне заменить брата. Но с этого момента, если ты хочешь, мы станем друг другу братом и сестрой по оружию. — Я протянула руки и добавила: — Свобода или смерть!

Он в свою очередь обнял меня и прижал к себе в братском объятии, которого мне так не хватало.

Под звуки бури, грохотавшей снаружи, Полин горячо повторил:

— Свобода или сме...

Последнее слово застряло у него в горле. Я поняла: это от переполнявших юношу эмоций. И эти теплые струйки на моем лице — конечно же, его слезы. Я подняла руку, чтобы утереть щеки названного брата. Мои пальцы коснулись теплой вязкой жидкости. В тусклом свете масляной лампы его лицо напоминало маску.

— По... Полин? — прошептала я.

В ответ раздалось ужасное бульканье. Моя рука скользнула от щеки юноши к его рту, из которого доносились звуки. Между губами сверкнул металлический язык: острие шпата, только что пронзившей шею и нёбо.

— Предательница! — прорычал чей-то голос.

В ужасе я вырвалась из объятий Полина, чьи мускулистые руки, казалось, хотели меня удержать, чтобы я

ДВОР ЧУДЕС

тоже обняла смерть. Металлический язык втянулся в ротовую полость. Вернее, убийца резко вынул клинок из плоти юноши.

Одного взгляда на ливрею цвета красной марены и треуголку, украшенную фестонами, хватило, чтобы понять: передо мной швейцарский гвардеец!

Леденя от страха, я заметила открытую дверь, через которую злодей незаметно пробрался.

— Я услышал шум в комнате! — прорычал стражник, вытирая окровавленную шпагу о сапог. — Вышел в вестибюль и приложил ухо к стене, чтобы проверить, спите ли вы. Ох, не зря я так поступил: я слышал весь разговор, мадемуазель Диана... то есть Жанна!

Он приближался ко мне, угрожающе поднимая оружие.

— Подумать только: любимый оруженосец Короля — агент Фронды! Когда Нетленный узнает, он покарает тебя должным образом... а меня вознаградит по заслугам!

Направив в мою сторону шпагу, гвардеец дернул за шнур портьеры, не оставив шансов на спасение. На этот раз мне угрожал не любитель, едва умевший обращаться с оружием, а воин элитного подразделения: швейцарские гвардейцы — лучшие фехтовальщики королевства.

Стражник неторопливо обошел тело Полина, ни на секунду не отрывая от меня взгляд.

Сыграв решающую роль в спасении монарха, я заработала репутацию жестокой, а «Глоток Короля» должен был развить во мне суперчеловеческие способности... которых я так и не обнаружила. Королевская кровь лишь усилила хронические мигрени.

— А на вид-то совсем неказиста: так, мелкая гризетка, — нервно издевался враг. — Судачат, что ты — свирепый воин. Смешно в это верить.

— Я — обычная охотница, вырванная из лесов и полей.

В горле у меня пересохло.

ВТОРЖЕНИЕ

— Сейчас ты спокойно дашь связать себя, как зайца, или я насажу тебя на этот шампур точно так же, как этого ублюдка!

Злодей зашел за мою спину, приставил острие лезвия к горлу и с дьявольской ловкостью намотал шнур вокруг моих запястий.

— Очень сомневаюсь, что вы сможете насадить меня на шампур, — выдохнула я.

— Отчего же? Если бы ты только знала, скольких оборванцев я прикончил за свою службу!

— Вы должны оставить меня в живых, чтобы Король мог услышать признание от меня лично. Если же просто предъявите мой труп, то не получите ни повышения, ни почестей. Напротив, рискуете быть повешенным за убийство *любимого оруженосца*, как сами изволили выразиться...

— Заткнись, предательница! — прикрикнул солдат, отодвигая лезвие от моей шеи.

Однако в голосе его прозвучало сомнение.

Вот он, удачный момент!

Стремительно развернувшись, я толкнула гвардейца, накинула на его шею шнуры моих связанных запястий и с силой затянула их на выступающем адамовом яблоке убийцы.

— Я... что... — задыхаясь, промычал он, отчаянно размахивая мечом перед собой.

То, что раньше считалось моей слабостью, превратилось в мою силу. Маленькое тело, над которым гвардеец насмеялся несколько минут назад, стало недостижимым. Мои ноги оторвались от земли. Я повисла на импровизированной гарроте¹, как звонарь на колоколе.

Только вместо звона человеческий колокол издавал гортанную икоту. Рев бури заглушил и унес эти звуки вместе с грохотом наших тел, рухнувших на пол.

¹ Гаррота — орудие казни через удушение.

ДВОР ЧУДЕС

Швейцарский гвардеец наконец отбросил шпагу, чтобы освободить руки и ослабить смертельный узел на шее. Ему бы это удалось, если бы с самого начала он пустил в ход мощь рослого мужчины. Но лиходея потерял драгоценные секунды, цепляясь за оружие, и теперь силы покидали его. Как бы он ни старался, толстые пальцы не могли пролезть между натянутыми шнурами и фиолетовой шеей. Мои крепко сжатые запястья побелели от усилий.

Задушить!

Заткнуть навсегда!

Отомстить за Полина, Бастьяна и всех жертв Магны Вампирии!

Внезапно острая боль пронзила голову: рука убийцы схватила мои волосы и потянула их с той предельной силой человека, который уже чувствовал дыхание смерти.

Чтобы не завывать от боли и не переполошить весь дворец, я прикусила щеку изнутри. Зубы погружались в мою кожу так же, как шнуры в плоть гвардейца, чьи вздутые вены напоминали вибрирующие змейки.

Внезапно рука стражника ослабла. Его шея между моими сжатыми кулаками перестала пульсировать. Огромная голова тихо качнулась и свесилась набок.

Задыхаясь, я медленно поднялась, еле двигая одеревеневшими пальцами рук. Меня накрыло отвращение: пришлось убить, чтобы спасти себя и тайну Фронды.

Неподвижное тело гвардейца лежало в крови, медленно сочившейся из пронзенной шеи Полина. Оба убитых, казалось, просто уснули: нищий, а рядом — его хвастливый убийца. Они застыли в вечном сне, совсем как спящая девушка из моего ночного кошмара.

Неожиданно ветер хлопнул ставнями, будто скелет клацнул вывихнутой челюстью: сама Тьма зашлась в сатанинском хохоте.

2.

БОЛЬШОЙ ОТХОД КО СНУ

— **ОПРЕДЕЛЕННО ВЫ ПРИВЛЕКАЕТЕ ФРОНДЕРОВ** как пламя свечи мотыльков, мадемуазель де Гастефриш! — заявил Король Тьмы.

В сопровождении придворных и ледяного бриза — свидетельства присутствия вампиров — монарх только что прибыл в кулуар своей усыпальницы.

Каждый закат и каждый рассвет я должна приветствовать суверена вместе с другими оруженосцами. Сегодняшнее утро — не исключение, хотя мне едва удалось избежать смерти: ничто не может нарушить устоявшийся трехсотлетний церемониал Версаля, эту назойливую симфонию ада на Земле.

— Возможно, просто совпадение, Сир, — ответила я, склонив голову перед внушительной фигурой в драгоценных одеждах. — Фрондер оказался в моей спальне случайно, он мог появиться в любой другой.

Разговор о Полине в прошедшем времени после нашего с ним недавнего знакомства был невыносим. Но демонстрировать печаль, переполнявшую меня, нельзя ни перед Королем, ни перед столпившимися вокруг

ДВОР ЧУДЕС

него придворными, ни перед пятью оруженосцами в темных кожаных нагрудниках.

— Нет. Мы не думаем, что это совпадение.

Король остановился в нескольких метрах от меня, возвышаясь во всем своем великолепии над собранием. Кровь стыла в моих жилах от звуков глубокого голоса, исходившего из металлических губ, от могильного холода, который обволакивал величественную фигуру.

Под широкополой шляпой с павлиньим пером, между густыми локонами длинных каштановых волос сиял золотой лик Аполлона, бога Солнца. Без эмоций, без выражения. Маска, застывшая в вечности, навсегда скрыла истинные черты первого в истории вампира, по слухам, ужасно изуродованного в результате трансмутации, подарившей ему вечность.

— Негодяй напал на вас, зная, как вы Нам¹ дороги. Поделитесь, каким образом вы избавились от этого насекомого — вредителя.

Бароны и маркизы уставились на меня, с жадным любопытством рассматривая рану, оставленную кинжалом Полина на скуле. Веки смертных трепетали от нетерпения, зрачки бессмертных сузились при виде крови. Я чувствовала на себе внимательные взгляды моих компаньонов по оружию. Оруженосцы не подозревали, что на самом деле я — волк в овчарне.

— Увидев злодея в спальне, я закричала. Храбрый гвардеец прибежал на помощь, но убийца перерезал ему горло.

¹ Многие монархи в истории говорили о себе во мн. ч.— «мы» и «нас». Делалось это с целью подчеркнуть свое превосходство над всеми остальными. Кроме того, говорящий так правитель выступал не только от своего имени, но и от имени всех своих подданных.

БОЛЬШОЙ ОТХОД КО СНУ

Я умолчала, что сама перерезала стражнику шею, дабы скрыть истинную причину смерти — удушение, интуитивно догадываясь, что такой способ кончины лучше впишется в мои показания.

— Я лишь успела схватить шпагу несчастного, чтобы обратить его против агрессора.

Один из вампиров, сопровождавших монарха, вышел вперед. Изможденное лицо вынырнуло из завитков парика, как острие топора. Следом появилось длинное, худое тело, увешанное медалями, — Эзешель де Мелак, министр Армии.

— *Обратитесь шпагу против агрессора* — слабо сказано, Ваше Величество! — воскликнул он. — Согласно докладу солдат ваш оруженосец вонзил клинок в шею злоумышленника по самый эфес! Мадемуазель пришила его, как вульгарного мотылька, которого вы упомянули!

Придворные разразились смехом над забавной шуткой маркиза. Король поднял руку. Рукав, декорированный кружевами из Кале¹, прикрывал длинные белые пальцы, унизанные драгоценностями. Смех тут же прекратился.

— Мне донесли, что убийца работал плотником на нашей стройке. Это правда?

Маленький человечек в черных одеждах склонился перед монархом так низко, что локоны седого парика подмели паркет. Это Бонтан XXI — смертный управляющий замка, названный так потому, что он — двадцать первый потомок камердинера, служившего Людовику XIV еще до трансмутации.

— Да, Сир. Полин Требуше после серьезной травмы ноги был восстановлен в бригаде, работающей над расширением замка. И вот как отблагодарил мерзавец за великодушие: напал на ваших людей во время сна...

¹ Кале — французский город, который славится старинным производством кружев.

ДВОР ЧУДЕС

— Нет! Он напал на Нас! — Зычный голос монарха заставил качнуться люстры из богемского хрусталя. — Ибо Наша священная кровь течет в венах оруженосцев! Кто осмелился прикоснуться к ним, прикоснулся к Нам!

В помпезном, раззолоченном кулуаре придворные застыли, окаменев, словно древний мрамор на стенах.

Оруженосцы — особая каста приближенных Короля — находилась между низшей ступенью смертных дворян и высшей вампирической. В наших жилах всего лишь глоток сверхъестественной крови, которого недостаточно, чтобы стать бессмертным. Однако как напомнил сам Нетленный, это священная кровь. *Королевская.*

— Тело подлого фрондера выставить на стене Облavy на радость воронью, — велел суверен. — А всех рабочих в дортуаре пороть до крови, пока они не выдадут имена соучастников.

— Э-э... Ваше Величество! Похоже, бунтовщик действовал в одиночку, без сообщников... — прошелестел писклявый голосок Бонтана.

Одного взгляда монарха было достаточно, чтобы тот заткнулся. Камердинер испуганно втянул морщинистую шею в плечи, как черепаха в панцирь.

— Скажите, Монфокон, есть ли связь между этим Полином и заговорщиками, гниющими в наших тюрьмах? — обратился Король к Раймону де Монфокон, гиганту, одетому в длинный плащ с широким воротником, который предназначался для верховой езды. По его плечам раскинулись локоны парика, мягкого, словно ветви плакучей ивы.

Директор школы «Гранд Экюри», как и я, — двойной агент при Дворе. Пользуясь своим положением, он тайно координировал деятельность народной Фронды в течение многих лет. Именно Монфокон завербовал меня еще в школе. Став оруженосцем, я терпеливо ждала его указаний, чтобы служить общему делу.

БОЛЬШОЙ ОТХОД КО СНУ

Если жестокая расправа над семьей породила мою преданность Фронде, то Главным Конюшим двигало чувство вины. Потомок древнейшего рода палачей, состоявших на службе у Нетленного, мучился от груза кровавого наследия, преследовавшего его по сей день.

— Между Полином Требюше и заговорщиками нет никакой связи, Ваше Величество, — произнес великан гортанным голосом. — Во время допросов ни один из участников нападения не назвал имя преступника. Речь, безусловно, идет о фанатике, не имеющем отношения к покушению прошлого месяца. Новость о сорвавшемся заговоре могла просто подстегнуть безумца.

— Возможно. Но все ли фрондеры арестованы? — осведомился Король.

Министр Армии выкрикнул, спесиво надувшись, словно боевой петух:

— Абсолютно, Сир! Тридцать два мерзавца погибли на месте преступления, увидев Ваше Великолепие!

Великолепие...

...Эвфемизм для описания обнаженного лица Короля, на краткий миг сорвавшего с себя во время покушения золотую маску. Я тогда стояла за спиной монарха. Никто из тех, кто хотя бы мельком взглянул на него, не дожил до дачи свидетельских показаний.

— И шестьдесят семь были задержаны в кулуарах Версаля, — подобострастно продолжал Мелак. — Оставшиеся сорок три захвачены моими войсками в Арденнах, во владениях де Ля Ронсьеров. В том числе и зачинщица преступления — Бланш де Ля Ронсьер, мать презренного Тристана.

Подобно Юпитеру, карающему своих врагов молнией, монарх ударил тростью об пол:

— Давите заключенных, как плоды оранжереи, пока не извлечете костный мозг из треснутых костей и признания из вероломных уст!

Настенные часы в кулуаре пробили восемь раз.

ДВОР ЧУДЕС

Из тени монарха выступил прелат в длинной алой мантии: Экзили, Главный Архиатр¹ Франции, глава гематического Факультета и личный врач Короля.

Лысый, с синюшным оттенком скелетообразный череп архиатра, торчавший из широкого белого воротника «фреза»², нагонял на меня страх с тех пор, как я впервые увидела его.

— Восемь часов, Ваше Величество, — прошипел сильный голос рептилии, от которого встал дыбом каждый волосок на моей коже. — Уже утро, скоро наступит день...

— Да будет так! Мы отправляемся на покой, — объявил Король, протянув свою огромную шляпу Главному Смотрителю королевского гардероба, принявшему ее в обе руки так трепетно, словно она была украшена перьями ангела, а не павлина.

Армия камердинеров немедленно поспешила к монарху, чтобы забрать трость с жемчужным наконечником, а также снять с него королевскую португую, жабо, украшенное драгоценными камнями, и камзол, расшитый золотыми нитями. Помпезный ритуал раздевания монарха являлся огромной честью для присутствующих и проходил под пристальным взглядом Главного Камергера — тучного, напыщенного вампира, увешанного лентами. Он уже целую вечность отвечал за покой Короля.

Зеленоглазый, черноволосый юноша справа незаметно поддел меня локтем. Это Рафаэль де Монтесуэно, молодой рыцарь из Кастилии, единственный оруженосец, проявивший ко мне дружеские чувст-

¹ Архиатр — в Средние века звание главного врача города, провинции.

² Воротник «фреза» — круглый гофрированный воротник из накрахмаленной ткани. Принадлежность мужского и женского костюма знати в Европе XVI–XVII вв.

БОЛЬШОЙ ОТХОД КО СНУ

ва, когда я появилась при Дворе. У меня сложились неважные отношения с остальными оруженосцами. Эленаис де Плюминьи состязалась со мной в яростной борьбе за «Глоток Короля». Доверие Прозерпины Каслклифф пришлось предать, чтобы одержать победу. Сураджа де Джайпур и Зашари де Гранд-Домен я совсем не знала.

— Ты в порядке, Диана? — прошептал Рафаэль, коснувшись моей руки.

Согласно моде испанского Двора его ногти покрывал черный лак. Сердце накрыла печаль. Я не испытывала угрызений совести перед врагами, скрываясь под фальшивым именем, однако обманывать тех, кто искренне желал мне добра, было противно.

— В порядке. Отделалась легкой царапиной... — Я потеряла щеку.

— Какая псина посмела испортить идеальное личико! — прошептал мне в шею до боли знакомый, вибрировавший от страсти голос.

Повернувшись, я увидела роскошную рыжую гриву виконта Александра де Мортанж.

Красивый вампир с ангельским лицом влюбился в меня. Вернее, в мой фальшивый образ. Стоило мне покинуть апартаменты, как он следовал за мной повсюду, не выпуская из виду. Передышка наступала только на рассвете, когда виконт, как и другие бессмертные, отправлялся в свой гроб на покой. Александр не знал, кто я на самом деле. Не ведал, что, убив группу фрондеров в глубинке Оверни, принял участие в расправе над моими родными. Но *я знала* и не собиралась забывать! Имя Мортанж находилось в первой строчке списка кровопийц, которых я поклялась уничтожить, как только представится случай.

— Того, кто посмел поднять на тебя руку, я бы убил два раза, — прошептал вампир с любовным пылом, вызвавшим у меня тошноту.

ДВОР ЧУДЕС

— Простолюдины умирают только раз, Алекс, — возразила я, изящно улыбнувшись. — Лишь аристократам иногда позволено возрождаться с помощью Тьмы.

— Счастливики! И ты, дорогая Диана, уже на пути к вечной жизни. Ты предотвратила покушение на монарха, выиграла почетное место королевского оруженосца. И вот теперь убила подлого повстанца. Ты просто коллекционируешь подвиги. Эпатаж! Разве не я предсказывал тебе триумф при Версале?

Он заговорщически улыбнулся и незаметно кивнул в сторону Нетленного, все еще окруженного роем услужливых камердинеров.

— Держу пари: Король очень скоро разрешит твою трансмутацию за заслуги перед Короной.

Если пылкость Мортанжа просто отталкивала, то перспектива, о которой он упомянул, наводила откровенный ужас. Нетленный разрешал трансмутацию оруженосцев после завершения их службы при Дворе. Для всех «лизоблюдов мертвых» получить статус бессмертного — высшая честь, недостижимый Грааль. Для меня же — проклятие, которое нужно избежать любой ценой.

Раздался голос Главного Камергера, заглушивший разговоры присутствующих:

— Король раздет!

Главный Вампир империи возвышался во всем черном: блузе, коротких штанах и шелковых чулках. На нем не было жюстокора с нашитыми галунами и кюлотов-ренгравов¹ с лентами.

Церемония раздевания вместо того, чтобы приблизить придворных, отдаляла Короля от них: без многочисленных слоев ткани, поглощавших холод, тело суверена беспрепятственно излучало ледяную, *полярную*

¹ Ренгравы — принадлежность мужского костюма. Юбкаподобные штаны до колен, отделанные кружевами.

БОЛЬШОЙ ОТХОД КО СНУ

ауру. Расстегнутый воротник открывал массивную белую шею с темно-синими, почти некротически черными прожилками. Словно в венах Нетленного текла не священная кровь, а сам Стикс — река подземного царства мертвых, наполненная Тьмой...

Под руководством Экзили небольшая армия врачей в темных мантиях и высоких конических шляпах пришла на смену камердинерам. Они измерили несуществующий пульс монарха, прослушали его бронзовыми инструментами причудливых форм, ощупали бледную кожу. Не знаю, что они узнавали таким образом: здоровье Короля в течение трехсот лет было публичным спектаклем, как и все аспекты его бессмертной жизни. В конце этого барочного ритуала Экзили вручил своему господину хрустальный флакон, наполненный рубиновой жидкостью:

— Ваше лекарство для приема на рассвете, Сир: Богемская кровь, приправленная специями фараонов для укрепления Ваших королевских органов перед сном.

Нетленный, прижав флакон к металлическим губам, осушил его одним глотком.

— Король изволит почивать! — объявил Главный Камергер.

Привратники бросились натягивать толстые бархатные шнуры, чтобы выпроводить толпу. Если большая часть Двора могла наблюдать за началом церемонии Большого Отхода ко Сну в кулуаре, то в гробнице дозволялось присутствовать только самым знатным вельможам... В том числе оруженосцам.

Не успел швейцарский гвардеец торжественно распахнуть двустворчатую дверь в аванзал, за которым находился черный вестибюль, как присутствующие узрели на непроницаемо темной, монументальной стене усыпальницы среди барельефов неожиданное светлое пятно... большой конверт, на котором крупными буквами от руки было выведено: